

СТЕПЕННЫЙ, немногословный человек. Выглядит моложе своих 84 лет. Чтим, любим, популярен вот уже более шести десятилетий. Если лаконичнее и точнее, то он, Глахо Захаров, — живая легенда тбилисского фольклорного пения. Человек, проживший удивительную и большую жизнь. Однако, почему «проживший». Она продолжается: заслуженный артист Грузинской и Армянской ССР, солист Грузоеф и л а р м о н н и, лауреат всевозможных конкурсов истинно

японская техника. Я начал пробовать петь. К тому расположили и те впечатления, которых было предостаточно и в моем доме: мама в свободное время играла на гармонии, а ее отец, дедушка мой, — на доли. Я тоже сначала учился играть на гармонии, но потом тоже стал «медоле»: когда сам себе аккомпанируешь ритмически, петь легче...

Он оглянулся на дом, вроде прислушался к чему-то.

— Под нами Кура течет. А на противоположном берегу когда-то шумели знаменитые ортачальские сады.

Был такой торговец. Немало написал Иэтим стихов, исполнявшихся под народные мелодии Напишет, и зовет музыкантов, певцов, не раз и меня приглашал, показывал, говорил: буду мол, рад, если будешь это петь. Так было, в частности, и с песней «Зимой холодною, без крыши надо мной».

Его любили, им гордились все: рыбаки и кузнецы, скорняки и сапожники. Мастеровой люд так и льнул к нему. Старались незаметно, чтоб он не обиделся, положить ему в карман немного денег

творчеству которых мы, исполнители песен, обращались постоянно. Из грузинских — это в первую очередь Иосиф Гришашвили, Георгий Леонидзе, Иосиф Нонешвили, ныне здравствующий Ираклий Абашидзе, большие мастера слова и очень чуткие, близкие мне люди. С Ираклием Виссарионовичем меня поныне связывает искренняя настоящая дружба.

— Как складывалась ваша, Глахо Аршакович, творческая судьба в 20-е и 30-е годы?

— В целом, удачно. Народное искусство наиболее жизнеспособно и не подвержено конъюнктуре времени. Нас не упрекали за городской фольклор, поддерживали, а в соответствии с новыми традициями многие «дасты», как называли ансамбли в старом Тбилиси, старались, причем не по установке сверху, а по своей воле, исполнять и революционные песни. Но они под звуки зурны и дудуки не пелись. Поэтому, в основном, одна песня и исполнялась: одна, но какая? Про Арсена Джорджиашвили.

В 1926 году меня приняли в РАБИС — Совет «Рабочее искусство». Выступали мы в Авлабарском и Ортачальском клубах, где ставил театрализованные представления режиссер Георгий Дариспанашивили. Я тогда играл с кларнетистом Давидом Зубиашвили и зурначами Михаилом Сукиасовым и Геворгом Костановым.

Был период нэпа, чувствовалось всеобщее оживление, люди жить стали заметно лучше.

Ну да, работали мы не только в Тбилиси. И в 30-е годы выезжали часто. Пришлось даже однажды отправиться на концерт — куда бы вы подумали? — в Дальневосточный военный округ. Я долго хранил, жаль, потерял после войны благодарственные отзывы маршалов Тухачевского, Влюхера, Гамарника, одного из руководителей партийных работников Хабаровского края Лаврентия Картвелишвили — насколько помнится, тоже репрессированного.

Не мог не запомнить я и торжественный концерт в Большом театре по случаю открытия Выставки достижений народного хозяйства СССР. Там была представлена каждая союзная республика. Волновался я, как никогда, и не только я. Мы аккомпанировали ансамблю песни и танца под руководством Рэма Шелегия и Кириле Пачкория. А не поводиться нельзя было: в центральной ложе сидел Сталин, издалека, в затемненном зале, я разглядел его, а когда зажегся свет, увидел, как живо он аплодировал. Еще одно выступление в присутствии Сталина было два года спустя, в 38-м. Он пришел на заключительный вечер всесоюзного конкурса артистов эстрады, который состоялся в Кремле. Кроме ансамбля народного танца, Грузию представляли Васо Годзишвили и Ольга Долидзе. Васо читал стихи, говорил, шутил и пел на трех языках, в нашем сопровождении. Исполняли мы, соответственно, то грузинские, то армянские, то азербайджанские мелодии. Были овации, растро-

ганный Годзишвили уже за кулисами расцеловал нас.

Сейчас много говорят о тех временах, о том человеке, который руководил страной. Наверное, пишется правда, погибли многие безвинные люди. Но я не могу утверждать, что все народное уважение к Сталину диктовалось только страхом.

Я, к примеру, в свое время, пел песни и о Сталине. А вы бы не спели? Спели. Но не со страха. А вследствие исполненной веры в него. Если б вы тогда жили, то поняли бы это лучше. И не только вы. Но потом этим иллюзиям пришел конец. И начались другие. С той разницей, что о вождах мы больше не пели. За ненадобностью.

— Глахо Аршакович, всю жизнь прожили в Тбилиси. Какими чувствами испытываете к родному городу?

— Тут и думать нечего: благодарностью и нежностью. Я люблю Тбилиси не только за его колорит, но и за камертон души. Это уникальный город, и если кому-либо надо перенять опыт и понять, что такое дружба, пусть приедет к нам.

Вахтанг Горгасал и Саят-Нова жили недаром: один создал эту обитель, другой — воспел ее. Зачем понадобилось бы Саят-Нова воспевать Тбилиси, воспевать дружбу, если б он не видел перед собой ее бесценные образцы? Зачем стали бы писать трогательные посвящения поэтам Армении и Азербайджана грузинские поэты, если б не убедились в подлинном братстве?

— А что такое, на ваш взгляд, тбилисский фольклор?

— Принципиальная особенность городской жизни. Давно никого не удивляет, что тбилисские армяне плохо говорят на грузинском. А я знаю грузин, а среди них и великих, свободно владеющих армянским. Я встретился однажды с Константином Гамсахурдиа, было застолье в одном известном доме. Он меня поразил! Композитор Георгий Цабадзе, доброй памяти... А его отец? Я, например, говорю на четырех языках. Зная язык, чувствуешь дух народа, легче его понимаешь. Так и фольклор. Есть песни, одни и те же, что поются на двух или трех языках. Создавались на армянском, переводились на грузинский. И — наоборот. Карачохели — армяне, грузины или азербайджанцы — всегда пели на любом языке.

— Вы будете знать: дудуки любят многие, а вот откуда этот инструмент родом — не знают. И я тоже...

— Мне 85-й год, и я убежден: родина дудуки — Тбилиси.

— Довольны вы, Глахо Аршакович, своей судьбой? — Жизнь хороша уже тем, что она есть. А профессия певца, ашуга, музыканта, по-моему, не самая неподходящая для такого легкого, путаного, доброго и счастливого города, как Тбилиси. А? Что скажете?

Беседа вел Нодар Бродадзе. Фотографировал Георгий Цагарели.

Глахо ЗАХАРОВ:

«ЖИЗНЬ ХОРОША ТЕМ, ЧТО ОНА ЕСТЬ»

народного творчества, совершенно невзирая на довольно почтенный для артиста возраст, успешно продолжает замечательные самобытные традиции музыкантов и певцов Тбилиси, тех исполнителей, искусство которых зарождалось еще во времена Саят-Новы. Кстати, Глахо Захаров тоже поет на трех языках: грузинском, армянском, азербайджанском.

Когда я подошел к дому в районе станции метро «300 арагвинцев», то увидел его сидящим на скамье рядом с соседями, играющими в нарды. Наблюдал он за игрой увлеченно и спокойно. Беглого взгляда было достаточно, чтобы заметить: люди, живущие здесь испокон веков, напоминают камень, отглаженный десятилетиями морской волной: потонки тех тбилисцев, в домах которых живы и добрые традиции, и обычаи старого города, и самые неожиданные воспоминания о нем. Входишь во двор и попадаешь словно в земной рай, в цветник древнего восточного владыки: двор усеян розами разных сортов и оттенков. Что ж, он и есть властитель, но властитель сердец.

— Вы хотите написать обо мне? Спасибо. Начнем, наверное, с этого дома. Здесь жили мои родители, здесь я родился и до сего дня живу с семьей.

Мой отец шапки шил — в мастерской Шайтан-базара. Мать ухаживала за домом, семьей. В детстве я часто бывал у отца в мастерской, любил смотреть, как, из чего и для кого шьются шапки. Там же, неподалеку, находился магазин Парумбегова, целый караван-сарай, где продавались граммофоны, пластинки и где всегда играла музыка. Здесь можно было послушать замечательную музыку, грузинские, армянские и азербайджанские песни. Пластинки везли из Москвы. Обстановка просто завораживала. Хриплый звук, исторгаемый граммофоном, поражал тогда наше воображение в большей степени, чем удивляющая сегод-

Там было несколько ресторанов, и среди них два самых популярных — «Симпатия» и «Эльдорадо». «Симпатия» — еще как-то понятно, а вот «Эльдорадо»? Видимо, броские названия искали, хотели людей чем-то привлечь неведомым. А ведь грузинские названия лучше, естественней. В этих садах без дудуки кутежи не обходились. Когда начинали играть, такие звуки до нашего двора доходили, что сердце исходило радостью и тоской одновременно.

— В репертуаре вашем немало песен Иэтима Гурджи. Были ли с ним знакомы?

— Конечно. Можно даже сказать, что мы сотрудничали. Речь не только обо мне, а обо всех тбилисских музыкантах того времени. Иэтим жил на одной из авлабарских улиц, сейчас она называется Месхишвили, в подвале дома Базаза-аги.

Это был жест человеческой благодарности. В сущности, Иэтим не нуждался, ибо был неприхотлив и прост, но помочь ему стремился каждый.

Мы были близки с Иэтимом. Объединяло нас многое. В 16 лет я остался круглым сиротой, без родителей, на попечении тети, сестры отца. Она дожила до 104 лет. Иэтим тоже чувствовал себя одиноком. При его жизни, кстати сказать, вышла только одна книга. Помню, что его ученик Гарсо, выполняя просьбу поэта, раздавал ее людям — почти за бесценок. Не знаю, сколько раз его у нас издавали: по-моему, за последние десятилетия ни разу. А надо бы. Тбилиси не должен забывать прославивших его ашугов.

Не стану ждать специального вопроса, и тут же скажу о людях высокого, светлого дарования, о поэтах последующих времен, к